

Ружьё

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виктор Цененко

18+

Виктор Цененко

Ружьё

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70404307

SelfPub; 2024

Аннотация

Сатира, абсурд, немного мистики и о жизни. О том, как пережить интервью и устроиться на работу мечты, о трудовой этике, маркетинге и ружье.

Виктор Цененко

Ружьё

Высочайший офис Александра Павловича До-кого, директора маркетинговой компании ***. За столом Александр Павлович, резкий мужчина лет пятидесяти. Напротив него несколько отощавший и размотанный молодой человек лет двадцати шести. А. П. листает его резюме.

– Так, кто тут у нас. Федор Павленков. Михайлович. Садись, Федор Михайлович, бес ты такой. Читаю вот, что у тебя за душой.

– Здравствуйте...

– Что?

– Здравствуйте...

– Ты кому? Мне? Здравствуйте?

– Ну да.

– Смотри, у меня на железочке тут написано, специально для тех, кто говорит «здравствуйте», как меня зовут. А перед обращением к нормальным людям говорят: «Здравствуйте». Или «Добрый день». И далее называют. Ну?

– Ну?

– Ну, может последуешь хорошему совету или что?

– Добрый день, Александр Павлович До-ий.

– Можно без фамилии. Обращаются по имени и отчеству. Смотри-ка, ты войти не успел, а уже получаешь важные уро-

ки жизни. Ладно, не бурчи ничего, помолчи пока, посиди. Воды хочешь? Воды нету. Чего не попил, когда шел сюда, если хотел? Молчим, ничего не отвечаем. Я пока почитаю.

Ага, два года целых сидел, звонки принимал. Два, имать, года. И как, жопа на месте? Ну да, не отвечай, сидишь же как-то. Может это протез, с другой стороны? Протезы жоп для работников сидения. Эх, стар я уже для этого бизнеса, а то бы производство наладить. Как бы пошло, а, Федор?

—....

— А до того год с лишним грузчиком работал. Бл*, зачем такое вообще указывать? Зачем такое указывать в резюме? Ты как вообще, не повредился там, погружая ящички, прежде чем на жопу сесть в офисе? Не, не надо мне отвечать ничего. И так уже грустно.

Ага, потом, после офиса, торговым представителем пошел. Я бы тебя никогда на такую работу не взял, Федь, гляжу я вот на тебя. А чего год только?

— Компания загнулась

— В самом деле?? Если ты у них там что-то представлял торговое, схера бы не загнуться? Да ты не морщься, они обречены были, еще до твоего торжественного появления. Ты просто симптомом вскочил, предсмертным. Типа как бубон.

— Бу...?

— Ну бубон. Чума. Федя, чума. Далее... Них** себе, я шас заплачу. Цветами торговал год. Год торговал цветами. Повтори.

– Повторить?

– Год торговал цветами. Повтори.

– Год торговал цветами...

– Это что, современные веяния? Осознал свою нежную инаковость, отсидев телефонистом, Федор? Видать, всё там отсидел. Решил, буду цветочки растыкивать по корзинам. А? Буду цветочным представителем. Дитятей цветов.

– Я. Ну, там иногда и зарплата... Там и пахло хорошо...

– Да, после этих сортиров в бизнес-центрах, конечно, глядь, нюх обостряется, хочется природы и пустыню до самого горизонта, во все глаза.

– Да...

– Что да?

– Хотелось чего-то другого.

– Соглашаешься со мной? Другого? Еще у тебя тут раздача флаеров и визиток, промо-акции, даже вон отзыв от нанимателя одного. Сам писал, признайся? Ладно. Ок. И вот мы здесь. Ты что знаешь про нашу компанию?

– Вы маркетингом занимаетесь, промо-акциями, раздатками, да всем...

– Не, Федор, явно ты только «алё» в трубку способен говорить. Что за маркетинг? Что ты вообще в виду имеешь, на*?

– Ну, продажи, управление продажами товаров, реклама...

– Академично! Кто ты там у нас... А, философ по обра-

зованию. Фига себе, ЮФУ. Окончил. То есть, интерес у тебя к жизни скорее платонический да, я правильно понимаю?

– То есть?

– Скажи, ты хоть подрачиваешь себе дома или еще где? Или может ты заарканил какую отчаявшуюся бабенку? Хотя, тут степень отчаяния должна зашкаливать, буквально налету, с высоты... Ой, батюшки. Налету их дерешь да, пока они вниз пикируют и рыдают?

– Я не потерплю... (встает, подрагивая всем телом)

– Да потерпишь уж. Садись, садись. Присаживайся. Не пойму, чего я тебе такого сказал, чего ты еще не слышал или не чувствовал сам. Ну? Ты свое резюме читал? Вон зеркало, кстати, можешь глянуть, чего там. Вон то – это ты, подскажу. И да, поверь, мне так же мерзко на это смотреть как тебе. Ну ладно, не за унижениями же ты сюда пришел, правильно? Или за ними? Уверен?

– Я на вакансию...

– Да помолчи уже. Давай я тебе сам скажу, что мы делаем, а ты слушай. В общем, мы двигаем. Мы заставляем действовать. Все эти девочки, бабушки, мальчики с листовками – это всё полная шляпа. Это для слабаков. Реклама на экранах, реклама в интернетах – это вчерашний день конченого лоха. Не будем показывать пальцем. Мы заставляем действовать. Потому что в мире есть только действия и только они нас интересуют. Остальное всё чисто на семинарах поп*здеть, на графики потыкать перед бухими владельцами бизнесов, их

мамами, папами, мужьями и женами. Мы этой херней вообще не занимаемся. Нам никому ничего доказывать не надо из клиентов, они сами видят, что мы эффективны. Ты что, уснул?

– Нет, нет.

– А чего не гудишь?

– Так слушаю же...

– А, вон оно что. Мне подумалось, может ты сдох, с открытыми глазами, вот так вот тихонечко, как цветочек.

– Я просто слушаю вас.

– И завоняло как-то. Может тыдохнешь, все же?

– Нет...

– А воздух попортил. Нервничаешь?

– Я не портил.

– Да я это, не парься. Ты вдохни поглубже. М? Это аромат успеха, Федор. Замечаешь, что он не такой как в тубзиках того центра, в котором ты на звонки отвечал? Не такой как в ваших офисах, откуда ты кабанчиком бежал товар показывать какой-нибудь бабке. Совсем другое дело, правда? Роскошно? Кстати, мне же подкинули пару твоих звонков, я послушал, как ты разговариваешь. Прилежно так, вежливо. Хаваешь налету любое говно, что бы тебе там не говорили с той стороны. Шлют тебя, поливают, за*бывают тупыми вопросам. А ты такой «конечно, спасибо, подождите минутку, кончаю». Послушный такой и хороший мальчик. Как считаешь, Сократ бы оценил?

– Я не особо в диалогах...

– Да кто бы мог подумать, Федь. Однако, я вижу, что хватку ты не теряешь, крепко на коленях стоишь. Ноги о тебя вытирать – комфортно. Чувствую себя глупо, будто бы с тараканом говорю, но комфортно, спокойно так. Твоя мама бы сказала, что ты очень талантливый. Не знаю, может тебе деньги нужны. Живешь небось так себе. Деньги нужны?

– Нужны.

– Ох, меня аж холодок пробил после такого сильного ответа. И готов к трудным нестандартным заданиям, мачо?

– Да...

– Это уже неплохо. Неплохо. Ты будешь удивлен, но, Федор, у меня есть задание для такого как ты. Ты подходишь. По крайней мере, пробный срок в один день, в одну смену у тебе готов дать. Как тебе? Не зря у меня тут говном с лопаты угощался, а? Давай, поднимай свою протезированную жопу и следуй за мной.

Выходят из кабинета.

– К счастью клиент наш и его филиал буквально через дорогу. Так, Юльчик, я вот с этим обмороком минут на двадцать отойду, покажу ему всё.

Шепчутся, но не так, чтобы совсем неслышно:

Ю: Неужто подошел? Такой конченный?

А. П.: Ну, ща еще посмотрим, но я думаю, самое то.

Выходят из здания.

– Вон, смотри. Да куда ты прешь? Светофора дождись.

– Пока ждем, вы мне не скажете, сколько зарп...

– Так, Федя, не зарывайся. Сейчас моя часть диалога. Все вопросы потом.

Подходят к витрине магазина с надписью: «Ружья, прохладительные напитки, пистолеты, снаряжение, выпечка».

– Это, Федор, магазин оружия. Серьезный владелец. Очень. Нужны продажи. И мы с тобой это устроим. Подожди меня снаружи.

Заходит в магазин, возвращается с двуствольным ружьем и патронами.

– Инвентарь. Вот тебе ружье. Чеховское, первоклассное. Как понимаешь, раз уж такое ружье появилось, значит должно стрелять. И будет стрелять. Молчи и слушай. Смотри внимательно. Стоишь здесь. Передвигаться можно вот отсюда и до туда. И обратно. Вот так заводишь патрон. Внимательно смотри, не спи. Разламываешь, заводишь патрон. Уверенно закрываешь, слышишь щелчок. Вводишь курок. И вот идет человек. Ты ему говоришь внятным таким голосом, как ты по телефону общаешься «Заходите, пожалуйста, в наш магазин, покупайте ружья». Допустимо сказать просто «Заходите в наш магазин оружия и выпечки», ну и производные. «Чеховские ружья!». Но только не говори о лучших, что лучше

всех. За это можно и ответить перед конкурентами, по закону рекламы. Короче, сказал и тут же наставляешь ружье на другого прохожего и спускаешь курок. Один из двух, чтобы сразу два патрона не тратить. Ну или, для пушшего эффекта, если уж нужно впечатление произвести – спускай два. И не забывай вот так, с упором, чтобы отдачу грамотно встретить. Бац. Всё, перезаряжаешь. Отработанный патрон таким образом извлекаешь, новый ставишь. И с этой минуты до, скажем, восьми вечера. Вот, возьми ружье в ручки.

– То есть, простите, как это «бац»? Там холостые?

– Холостые?

Отбирает ружье у Федора. Целится в голубя неподалеку, стреляет. Голубя разрывает на части.

– Ну что, похоже на холостые? Ты с кем работать пришел? С педиками и Сократом? С веб-студией имени Ануса? Или с нормальной конторой и Чеховскими ружьями?

– Я не знал про ружья...

– В каком смысле? Вы там что, русскую классику на туалетку изводили, философы-студенты?

– И мне что, стрелять по людям?

– Только заметь самый центральный момент – стрелять не в тех, кого зовешь сюда, а в других. Чтобы первые, кого зовешь, видели. Удобоваримо объяснил?

– Но это же как бы, ну, люди же... А как?

– Люди нормально, Федор. Ты главной имей в виду себя, свое дело. И наше дело особенно. Ты же раздаткой занимал-

ся тут и там, промо-акциями, сам в резюме указывал. Это та же тема, только иначе и реально эффективно. Хочешь про оплату спросить, кстати?

– Хочу.

– Так спроси.

– Сколько платите за смену?

– Тридцать ка.

– Тридцать тысяч рублей??

– Да, мы же с тобой в РФ, в южной столице, чем тебе еще платить? Я должен сейчас в тебе заподозрить какой-то недостаток патриотизма? С литературой отечественной я уже понял, какие у тебя отношения.

– Тридцать тысяч рублей за смену?

– Подтверждаю.

– А сколько смен в неделю?

– Если нам всё понравится, Федор, тогда хоть каждый день или через день. Будем корректировать. Смотрю глаза у тебя зашевелились. Ладонки потеют? Подсчитываешь? Ага, деньги неплохие, в цветочном хер так зарабатываешь.

– Но люди же разбежаться начнут... Если начать палить.

– Не, не. Федор, ты заканчивай ссаться. Этим ты и так уже всех достал, включая себя. Мы свое дело знаем, как никто. Схема рабочая. И, чтобы я тоже обоссался на рабочем месте, ты еще и втянешься. Вот аванс, чтобы взбодрить твои вялые яйца. Пятнашка, наличкой. Смотри, купюры новенькие, ароматные. Имей в виду, мы наблюдаем, постоянно, поэтому ты

не отключайся, не спи. Пали, народ зазывай. Чеховские ружья должны стрелять. Против русской классики, Федор, не погрешь, даже если ты её только куришь, завернув какую гадость в страницу. И народу о ней нужно напоминать, иначе как же. Вот тебе коробка с патронами. Должно хватить на смену, но тут жалеть не нужно – в этом плане мы не ограничены, дадим еще, если закончатся. После восьми зайдешь ко мне. Кстати, как нужно будет отлить, сбегать пожрать бутерброд – просто к Юльке заскочи, там ружье оставь. И чтобы быстро, а лучше и вообще без этого. Ну а если это все не по тебе, золотой мой дождик, то занеси мне бабки с ружьем и ступай сортиры чистить. Всё, начал. Пора работать и зарабатывать.

Я кивнул, сжимая в одной руке ружье и три пятерки, а другой коробку с патронами. Я думал, блин, тридцатка за день. Да я так за пару недель непрерывной работы закрою все кредиты, еще и оставлю на жизнь. Может даже на машину начну копить. Сунул бабки в карман брюк, коробку с патронами закинул в рюкзак. Пару патронов – в нагрудный карман. Александр Павлович, отымевав остатки моего самолюбия в обе щеки, молодецки двигал обратно в сторону своего офиса. Тридцать в день. Я еще про премию не спросил. А ведь если еще и премия! Да и так пойдет, без премии, чего я зарываюсь!

Ружье жутковато, но и приятно как-то тяжелеет в руке.

Холодное... Элегантное, смертоносное. Раз говорят, что система отработанная, ведь это очень крутая контора маркетинговая, кто я такой чтобы сомневаться, да? Я ведь никогда и не мечтал, что они мое резюме станут читать. А тут раз, и я уже на пробном сроке. И такие деньги.

Вот несколько прохожих ковыляет, с них начну. Я быстро откашлялся и стал звать. «Заходите, Чеховский оружейный завод, все от производителя, классика». Голос не дрожит почти. Но ружье... Как-то все стеснялся его вскинуть. Потом вскидывал, но сомневался, пальцы аж деревенели, не сгибались. Люди проходили мимо и не обращали на меня внимание. Или глянут, ухмыльнутся и дальше. Как оно и бывает с ребятами на раздатке. Иногда вот ну протягиваешь кому-то листовку, ну возьми ты, ну что тебе, трудно? И две возьми, не одну. Возьми да выкинь в ближайший по пути следования мусорник. Хотя бы так! А они нет, еще и сторонятся, будто у тебя те самые бубоны под мышками. А у тебя диплом, с*ка, филфака! Но сейчас – пройдут еще, потом еще и... и писец, придется отдавать деньги, еще раз становиться в коленно-локтевую перед Александром Павловичем, а затем снова нырять в прорубь с вакансиями, снова сидеть дома и молча цедить чай из сраного пакетика с индийской царевной на котором будет написано, что он элитный.

Нервы пошаливали, в ушах скреб голос, сообщающий о моих вялых яйцах, лежачих сосках и так далее. Вспомнилась прошлая работа на продаже бытовой техники. Мария Алек-

сеевна, старший продавец, каждый день драла меня то по одному поводу, то по другому. «Вот ты пипец, Федор», «Федя, где продажи?», «Почему не подошел к клиенту?», «Зачем подошел к клиенту, такую продажу сорвал». И у нее всегда был такой тараторящий звонкий голос, прoderгивающий тебя вот до позвоночника. И неприятное дыхание. Она об этом, наверное, знала, поэтому бесилась только лишь ей покажется, что я слегка кривлюсь или стараюсь поменьше дышать, когда она мне что-то говорит, подойдя вплотную. «Наверняка муж дома ее чмарит и не замечает», – говорила одна девочка из нашей команды, активно изучавшая психологию на заочке. Аминь. Это я про «чмарит» и остальное. А на работе Мария Алексеевна все это выгружала на нас. А может дома у нее все было отлично и просто здесь она отрывалась. Допускаю. Из позвоночника моего, при каждом даже взгляде на нее, снизу поднимался крик. Как аллергическая реакция. Но я не кричал. И даже не пререкался. А она меня просто в один серый день взяла и уволила. Без особенных напутствий. Сокращение, вали. Тогда я тоже не кричал. Снял куртку с крючка и был таков.

Александра Павлович думает, наверное, что я два года за просто вот это отсидел в менеджерах по работе с клиентами, на телефоне. Да хер там! Я с тех пор натурально подергиваться стал всем телом, людей стал бояться и избегать, спина болит каждый день и мониторы, мне в них просто смотреть больно, сколько я в них насмотрелся. И всё за копейки, к то-

му же, просто за копейки. Но сегодня... Я подумал вдруг – а не свалить ли прямо сейчас? Просто приставить ружье к стенке и плавно удалиться. Пятнадцати тысяч хватит, если постараться, дней на десять, может больше. Но это же как-то неправильно, да? К тому же, меня ждет еще такой же набор красных бумажечек к вечеру. И завтра. И послезавтра. Нужно только, блин, не упустить это всё. Вонючее дыхание Марии мать ее Алексеевны, всё вот это, невнятные голоса в трубке, просто так посылающие тебя на все буквы всех возможных алфавитов необъятной родины. Нельзя всему этому дать достать себя. Мимо пошла миловидная женщина средних лет, а за ней, видимо, ее мужик, нарядный такой.

– Маринка, да прекрати ты. Да постой. Ты к тому обсосу только не иди.

– Пошел нах*й, уже достал, – буркнула она. Красивая женщина. И видно, что он ее правда достал. И вот это вот, про обсосу, ну мужик, выходит, спустил курок за меня.

– Марья, да он же лошара, я же лучше! – кричал он. Это чуть погодя я понял, что речь не обо мне. Но для него было уже поздно.

И говорю я выразительно женщине «Заходите в наш магазин, отличные ружья, выпечка» и так далее. Тут же вскидываю ружье в сторону дядьки, спускаю курок. Бам! Ну и гром! Отдача – даже приятная. Преследователь отлетел, всё в дыму. Секунды катятся медленно и каменно. Дым выгибается и сходит на нет. Мужик лежит. Всё это пара секунд. Я выды-

хаю. Женщина смотрит на него, потом на меня. Я на него, на нее. Она улыбнулась. Даже солнце будто бы ярче стало. И я улыбнулся.

– А что это у вас, говорите? – спрашивает она вежливо, подойдя поближе, даже как-то игриво.

– Это отличное ружье с нашего Чеховского завода. Вы заходите, пожалуйста, посмотрите наши товары.

– Ой спасибо, сейчас же зайду к вам, посмотрю. Очень интересно! Спасибо вам, молодой человек, – говорит она, почти поёт.

Она еще раз глянула на замершего на полу бывшего бывшего, такая довольная, и пошла в наш магазин. Я вынул гильзу, зарядил другую. И стал ждать. Первая промка, и вот результат. Надеюсь, там ей продадут что-то.

Народу пошло побольше. Одной паре говорю – «Заходите в наш оружейный магазин». Они меня особенно и не замечают. Я вскидываю, значит, ружье и бам в мужика чуть позади них. Тот отлетает и лежит. Пара очарованно смотрит на него и потом на меня.

– Ух ты. Ну, хорошо, что не в нас, а? Надо зайти в эту лавочку раз так, да? – рассуждает назидательно парень.

– Ну да, раз такие дела, такой поход. Спасибо вам, молодой человек. Сильно, – вторит ему рассудительная девушка.

И заходят. Вижу в окошке офиса Юлия мне показывает большой палец вверх. И смотрю на двух лежащих и чувствую, что сейчас спую. Какое же наполняющее чувство ме-

ня настигает. Наполняет от пяток и до макушки. Дрожь по всему телу, но приятная. От выстрелов уши чуть закладывает, но привыкаю.

Из офиса вышли четыре мужчины в спецовках, подошли, подняли аккуратно первого героя нашей рекламы, унесли. Потом вернулись за вторым. Правильно, рабочее место нужно содержать в чистоте.

Время, вот честно, горело огнем. Выстрел, еще. Бам. Упал один, упала другая. Со мной фотографировались, меня благодарили, снимали на камеры. Один раз я все же разрядил сразу два патрона и какого-то беднягу просто разнесло, что вызвало общее ликование на улице, а в магазин отправились не только два кореша, к которым я обращался с рекламным спитчем, но и еще человек пять. Пять человек сверху! Я чувствовал себя на соточку. Маркетинг работает, прямо у тебя на глазах! Люди с радостью идут, куда я указываю, а я получаю еще и отдельное удовольствие от самого процесса. Это же искусство. Искусство убеждения, постановки. А потом тебе еще и платят. Я вдруг поймал себя на мысли, что вот оно как, кода ты любишь свою работу. Да это даже не новый год, это просто даже не знаю, что. Благодать. Это даже лучше, чем, когда одна моя знакомая, просто шикарная девчонка с факультета журналистов, Оксанушка, сильно захмелев, случайно мне кое-что сделала, перепутав с кем-то другим на давней вечеринке. Как же часто я мечтал, что мы начнем встречаться, поженемся, нарожаем детишек. Но по-

том мы сдали выпускные экзамены и аквариум раскололся. А воспоминания о той вечеринке вот уже который год согревают меня в любую погоду. Но сегодня я был близок к новому уровню экстаза.

И я радостно позвал какую-то семью, тут же бахнув очередного прохожего. Семья вначале перепугалась, а потом все рассмеялись и конечно же двинулись к нам, в оружейную. Кстати, чтобы прояснить ситуацию с конверсией – все выходили с покупками. Все. Барышня, чьего ухажера я подстрелил первым, вышла с длинным кофром, видно ружье прикупила. Другие с сумками и коробками – не всегда ясно, что там именно, у кого может и выпечка. Но я точно, абсолютно точно был полезен здесь. Даже забыл о том, что хорошо бы поесть, забыл обо всем, полностью сосредоточился на любимом деле. Бах. Заходите. Бах. Спасибо вам. Один дед мне минут пять стоял и говорил, что вот оно как надо, вот оно человеческое общение настоящее, когда один живой человек обращается к другому. Мано эль мано.

Часов в шесть из нашего магазина вышел мужчина в специальной одежде, с логотипом Чеховского завода. Закурил.

– Дай передохнуть, братан.

– Вы мне?

– Ну да. Мы очень довольны, отвечаю. Сейчас шеф звонил, уточнял. Походу уже в запой ушел от счастья. Продали за сегодня уйму всего. Ты красавчик. Я Александру скажу, что ты нас покоришь. Да и шеф не станет скупиться. Погоди,

дай доктуру, пока не стреляй ни в кого.

Эй, а вон тот хмырь, переходящий дорогу, так на моего администратора похож, из колл-центра. Как бы я его приложил. Нет, вы извините, не могу удержаться.

«Заходите в Чеховские ружья», говорю я какому-то дяде с усами, а сам, не целясь, разношу администратора. Почти уверен, что он и есть, тот самый. Потом у ребят, носильщиков, нужно будет спросить, они же, наверное, документы смотрят у павших. Они, кстати, хотя парни суровые, без мимики почти, но десятого уносили и немного так ухмыляясь, с одобрением глядя на меня. Один сказал тихонько, со значением: «мужик». Это обо мне.

Можно ли совмещать работу со сведением счетов? Думаю, это неэтично. Но тут не смог устоять. Ну не смог и всё. Пока я это думал, приложил еще одну матрону, чем привел к нам двух девушек, восхищенных такой промо-акцией. Она шла им что-то говорила нелицеприятное. И тут бах. Они вышли из магазина с отличными револьверами.

Я и не заметил, а время подкатилось к вечеру. Снова вышел продавец, уже в уличной одежде.

– Мужик, на сегодня хорош. Дай пожать твою, воняющую порохом, руку.

Мы пожали руки. Я понюхал – действительно, руки пахли порохом. Прекрасный запах. Мужик с удовольствием глядел на меня.

– Я сегодня, благодаря тебе, тройную выручку поднял,

премию мне отслонявили дай бог. Вот, решил, что за добро нужно платить добром. Прими, не отказывайся.

Сунул мне в ладонь пачку. Таковую приятную своей пухлостью пачку денег.

– Я сейчас запирать буду. Ты, кстати, целый день тут. Отлить не охота?

И тут я понял, что да, еще и как.

– Ты, если что, к нам заходи, у нас свой сортир. Пошли, не стесняйся.

Он по-дружески похлопал меня по спинке и запустил в магазин. Всё внутри обито деревом, висят красивейшие ружья, дробовики, длинные револьверы, на полу где ковер, а где шкуры. Стенды с выпечкой, какими-то сувенирами. Красота, эстетика. Продавец указал мне на дверцу сбоку. За ней меня ждала обыкновенная узенькая комнатка с раковиной и толчком. Я стал отливать, и это была струя отлично потрудившегося человека – ударная, звонкая, чистая.

Мы вышли, продавец запер лавку.

– Меня Джей звать. Вообще Женя, но я люблю так, чтобы прикольной.

– А меня Федор. Погоняло еще не придумал.

– Ствол.

– Что?

– Как тебе погоняло? Ствол.

– Прикольно. Надо подумать.

– Я, честно говоря, тебя так уже про себя и называю. Но

если ты против, то еще что-то придумаем.

– Нет, Джей, если так кайф, то называй меня Стволом.

– Добро.

Мы еще раз пожали руки.

– До завтра, Ствол. Пойду жену радовать. А тебе желаю, чем поинтереснее заняться, – хохотнул Джей и побрел себе по улице.

Я тоже, в ответ, пару раз хохотнул и отправился к начальству, закинув ружье на плечо. Меня в приемной встретила Юля.

– О, Федор Михайлович, ты жег сегодня так, что я аж вся горю. Шеф тебя ждет, а когда пойдешь обратно, я уже свободна, можешь меня проводить до своего дома, – она говорила так зажигательно, что я, как настоящий гангстер с Дикого Запада чуть не накинулся на нее прямо здесь.

Кабинет Александра Павловича:

– О, вот он, Федька стрелец.

– Да, это я, закончил.

– Ну что, как ощущения?

– Честно говоря...

– Да что ты мямлишь, давай, скажи выразительно и громко.

– Честно говоря, Александр Павлович – оху*нно! Акция просто огонь. Работает на все сто!

– Ого, каков! Вот это да. Я вижу, что за день работы с нами ты обрел целый ряд сильных качеств, Федор! Ты посмотри,

даже приосанился. А? Ты в зеркало глянь.

– И правда.

– Вот это я называю – попасть в правильный коллектив, найти дело по душе. Другой бы ведь не справился, Федор. Обоссался бы и сбежал. Или стоял бы целый день и только тыкал бы в людей пушкой. И мы бы гнали его в шею и под жопу. А ты был уже настолько конченным и отчаявшимся, что не ушел. И кода дошло до дела, вот оно все и поперло из тебя обратно. И всё правильно канализировалось. Поэтому у меня и контора лучшая в мире. Ну или, как политкорректно говорят, «ПОЖАЛУЙ, лучшая в мире». Потому что я знаю людей, знаю, как с ними нужно вести и куда направлять. Видишь, каким ты упырем стал за день. За один день. Это, скажу тебе, как в кино. Актер хорошо играет, кода ему создают условия. Так и в нашем деле. Мне звонил сейчас начальник по маркетингу Чеховского оружейного завода. Они там бухают, радуются, вмазались, в баню записались. Дело пошло. Говорят, если завтра так и каждый день так – будут нам бабки засылать камазами. И я им говорю – конечно будет. Будем зашибать, а? Должно же ружье стрелять, правильно?

– Не могу не согласиться, Александр Павлович.

– И в нашем деле, Федор, оно должно стрелять почти без перерыву.

– Так и будет.

– Ух ты какой, а. Вот он мой сотрудник месяца. А вот тебе пятнашка. И что еще я забыл?

– Что забыли, Александр Павлович?

– Ну, ты сам мне скажи.

– Премию?

– Точно?

– Премию.

– Не могу отказать. Вот тебе еще сверху пятак. Чтобы завтра с огоньком вышел.

– Спасибо вам большое, Александр Павлович. Спасибо.

– Ну ты это, хорош. У меня, если надо расслабиться, Юлька есть, всё умеет. Кстати, ночью-то я дома, с женой и детьми, а Юльке скучно. Смекаешь?

– Смекаю...

– Завтра к девяти утра. Ружье здесь оставь. Всё, вали.

На выходе меня уже ждала Юлия, наряженная в красивое пальто, вся такая напомаженная, наведенная и очень горячая. Я вызвал самое дорогое такси и повез нас в свою квартиру, где мы творили до середины ночи такое, что соседи постукивали в стены и потолок скорее одобрительно, нежели возмущенно.

Утром я добротню побрился, оделся получше. Мы с Юлией снова взяли такси и через пробки прорвались на работу как раз ко времени. Александр Павлович задерживался. Юлия выдала мне ружье, я зашел к Джею за патронами и заступил на рабочее место. После всего, что было, мне стало как-то, честно говоря, лениво. Даже при всем том энту-

зиязме, при всей поднявшейся откуда-то со дна веры в себя, мне хотелось просто смотреть на небо, дышать, лениво потягивать газировку, полежать, спокойно отдохнуть. Видимо, слишком много счастья упало на эти плечи за последние сутки. Но я держал себя за яйца и бодрился. Ведь отрада начальства в одну секунду может смениться на гнев, и после такого ошеломительного старта вылететь... Немыслимо. И я, потихоньку, не очень торопясь и не очень вкладываясь, начал. Дело пошло. Выстроенная система привлечения клиентов работала буквально сама, дымящееся Чеховское ружье в моих руках не даст соврать. Бам, и три человека, с большим вниманием расспросив меня, что бы я им посоветовал посмотреть в первую очередь, потопали в магазин. Потом еще и еще. Из офиса выходили парни в спецовках и оттаскивали тела.

Вот идет в мою сторону очень симпатичная девушка, с гитарной фигурой, я говорю: «Чеховские ружья совсем рядом, заходите посмотреть». Навожу ствол на идущую за ней унылую тётку и бам. Но я же не спустил курок... А бам был... И вокруг гром, дым, отдача. Но нет. Это не отдача. Это меня потрянуло. А девушка, которую я зазывал, с удивлением смотрит на меня. Я падаю на колени. Гляжу на живот. Ощущаю не просто боль, а нечто другое. Падаю, но так, чтобы увидеть, что сзади, падаю на спину. А сзади стоит девушка отталкивающей наружности с дымящимся ружьем и зазывает в наш магазин. И та симпатичная, к которой я обращал-

ся, подбегает к ней, что-то радостно выспрашивает, а потом бежит в магазин. Через пару минут буквально выкатывается Джей и кричит девушке с ружьем, что это просто восторг. Та дека сейчас буквально весь магазин скупила, какая-то дикая мажорка. Джей глянул на меня, подошел поближе.

– Ох, Ствол, братишка. У вас технологии эти маркетинговые просто чума. Александр Павлович гений, мать его так. Ну а ты что? Всё?

– Я... Я... По... Похоже я, Джей... Я, похоже сдыхаю. Позвони... Позвони в скору...

Надо мной склоняются четверо наших носильщиков. Со всем неаккуратно хватают меня, так что в глазах взрывается тьма, перемешанная с искрами и огненными головнями. Несут. Открывается дверь, несут куда-то в подвальное. Бросают. Я почти отключаюсь.

– Ага, Федя. Ну что, вот и второй день отработал. Я за ночь одно понял. Я ведь ночью много думаю. Как усилить наши продажи, нашу стратегию. Одно дело, кода единственный человек с ружьем. Но тут появляется другой и срезает первого. Вроде как Чеховское ружье настоящее не у тебя, а у нее. Такая вот драма. Ну ты уже в курсе. А мы глянули со стороны – просто огонь. Джей домой идет посреди дня, у него весь склад купили – и оружие, и выпечку, и сувенирку. Странно, что толчок не забрали. И еще люди набежали, требуют поставок. Завтра эта девка постоит на новом объекте, наверное. Ты бы ее резюме прочитал! Такое дно, что ты по

сравнению с ней граф Толстой во всех отношениях. Если ты знаешь, кто это. Ну должен же, ЮФУ как-никак. И вышла, кстати, за десятку на смену. И чуть меня там не облобызала всего, кода я ей сумму назвал. К завтра я и ей чего придумаю, ведь нужно разнообразие в промо, а то люди заскучают. Может она сама в себя стрельнет, а? За тридцатку твою, думаю, она еще и танцевать потом будет от радости, без ноги или еще чего. Твоя однокашница почти, прикинь, Оксана Р, по образованию журналюжка. Эх, кому я это всё говорю, Федь, ты выглядишь просто как говно. И воняешь. Федя? Федь? Что, всё? Ну, ладно. Пойду, у нас там заказ интересный – топоры, кредиты, как-то все это нужно увязать да и продавать.

Позднее в офисе.

Юлия вышла из кабинета Александра Павловича, оправляя платье и поехавшую прическу. Дооформила накладную на вывоз материалов, написала дуре Элле, чтобы завтра принесла на утреннее совещание что-нибудь внятное по проектам. На стульчике в приемной сидела Оксана, допивала кофе из стаканчика и собиралась домой. Юлия искоса глянула на нее. Ну что за мразь? Кода-то, может всего пару лет назад, была, видно, симпотной, но потом всё прошло, все размокло. С белой яблоньки как дым. Есть такая притча, какой-то молодой кабель был влюблен в такую вот симпотную соску, а ее притравил мудрец и давал ей слабительное вместо лекарства. И вот вся красота той девки очень быстро излилась в горшок. Мудрец приводит к ней упомянутого парня и спра-

шивает, ну что, парень, любишь ли ты вот это, что теперь лежит перед тобой на кровати, зеленая кожа да кости. А тот – нет, это нет, это мне не нравится. А мудрец ему сообщает, что вот, любил ты мясо и всё такое, а не саму эту лань. Это не любовь, братан. А тот – а ведь точно, спасибо за такой подгон мудрости. Оксану, наверное, тоже что-то выдоило, заметно раньше срока. Интересно, кто-нибудь сделал из этого мудрый вывод, просветлел хоть по бокам? Сколько ей там лет? А поставь их, Юлю и эту Оксану, рядом – натурально богиня и выдра, хотя Юля старше. Юле было приятно об этом всё думать. Она погасила комп, встала и с алмазной улыбкой подошла к девушке.

– Ну что, Оксанка, первый день просто пушка. Ты красотка. Давай мы с тобой прокатимся в какой-нибудь бутик, празднично тебя приоденем, а потом в клубец, хорошенько оттянемся. Или наоборот – в спа, массаж, что-нибудь медитативное.

– Ой, Юлия, я... Ну как, у меня и денег не особо, и дома ждут.

– Оксана, живем один день, так лично себе говорю и тебе вот скажу. По поводу бабла – потом отдашь, если что. Ты вон как начнешь сейчас жечь, забогатеешь, сама меня станешь угощать, подружка. Давай, надо разлечься, отпраздновать, познакомиться поближе. Сегодня твой день.

Оксана смотрела на Юлю и видела богиню. Стройную, властную, одетую неброско, но максимально со вкусом. Тиг-

рица. Богиня. Она может всё. Оксана ощутила странный жар, о котором уже и думать забыла. А когда-то она и сама чувствовала себя как-то так, как Юлия, и тоже была хороша собой, но всё куда-то унеслось, забылось, утонуло в уродливых свитерах и штанах, невымытых волосах, в беготне и попытках выжить. Юлия зовет ее потусить вместе. Вместе! Нельзя отказываться. И не хочется отказываться. Позвонит нетрезвому уже Павлу и скажет, что сегодня будет поздно, останется еще подзаработать. Если дозвонится до него, конечно. Да и ладно. Вообще, будь что будет. Похер. Сегодня, наконец, ее день. Так говорит богиня. И в кармане целых пятнадцать тысяч за день – десятка и пятерка премии. Так, глядишь, она и не вернется однажды к Паше, в то место, которое и на жилье не очень похоже. Станет классной, красоткой, снова станет красоткой. Жизнь налаживается, господи, жизнь-то налаживается. Ее Чеховское ружье, наконец, выстрелило.

Эпилог, необязательный к прочтению

Это Федор. Случилось вот что. Как раз за секунду до смерти я, идя путями борхесовского персонажа из не помню какого рассказа, сумел зависнуть во времени, оно как бы растянулось из мига в компактную такую, мобильную протяженность. Может вечность, но это вряд ли, да и не хотел бы я такой вечности. Боль, кстати, неопишуемая. И холод – мало того, что пол здесь ледяной, еще и я, насмерть убитый, весь ооченел. И да, похоже, время хоть и растянулось, но тра-

тится. Я постепенно ускользаю куда-то в пропасть. И прежде чем уйти я отправляюсь в магазин бытовой техники. Там работает один мой знакомый, но сегодня не его смена. Да и хер с ним. Я бреду по рядам – гигантские экраны, домашние кинотеатры, колонки, сабвуферы. «А вы на какую сумму ориентируетесь?», «Лучше берите вот этот, он дороже, но вы же пришли за качеством» – вспоминаются пассажи. А вон и она. Мария Алексеевна. Стоит и отчитывает новенького слюнтяя. А он повесил нос и обтекает. Я приближаюсь вплотную, вижу, что он старается задержать дыхание. Ну да, брат, понимаю. Алексеевна, вижу по глазам, замечает это. Бесится еще больше. Я понял – у нее дар, она умеет беситься просто так, по собственному желанию. И, когда выплескивает это, получает определенное удовольствие, разрядку. Ну, я так думаю, что получает. Иначе, зачем?

Объездив новичка, она идет в свой маленький кабинетик. Никогда здесь не был. Только издалека смотрел. Стол, кресло, стена увешана графиками, бумажками с цифрами, фамилиями. Она что-то щелкает на компе, читает почту, отвечает начальству в CRM. Начальство в сообщениях называет ее Мари и Машка. Диалоги там уж больно суровые. Ей говорят, что план она не выполняет уже пятый месяц и, как бы, что она вообще себе думает? Я ловлю себя на мысли, впервые, что она почти моя ровесница. Теперь, сидя и принимая от начальства горькую клизму, она неожиданно перестает быть злобной, панцирь сползает, Мария превращается в девушку

и даже так – забитую девочку. Я всегда воспринимал ее как старшую. Она и правда постарше, но всего на пару лет. Все-го на пару!

Она закрывает крышку ноута и сидит молча, глядит в стену. Выпрямившаяся, не моргает. Только пальцы рук, лежащие на компьютере, подрагивают, будто бы по ним бегают электричество. И дышит Маша маленькими рывкам. Глаза влажные. Интересно, что она думает? Но в мысли я залезть не могу. Она вытаскивает сотовый из сумки, ковыряет сообщения, почту. Набирает номер и начинает тараторить что-то подружке. Голос ее узнать сложно, он как у совсем еще девушки, студенточки. Дружелюбный, теплый и в то же время, если прислушаться, очень печальный. Она будет ждать, когда подруга перезвонит. Кладет трубку, тут же лицо ее снова темнеет. Собирается домой, ведь уже вечер. Еще раз смотрит цифры на доске. Хватает губку и вначале стирает что-то на графике, а потом просто бросает ее на пол, гасит свет, хлопает дверцей и, нервно звякая ключами, запирает свой маленький кабинет, похожий на усыпальницу.

Параллельно я вижу, как парни тащат очередного товарища. Бросают его так, что ноги приземляются мне прямоком на живот. Но я уже и не чувствую. Молодцы парни, все-таки. Профессионалы, всё четко. Интересно, сколько им платят. Возможно и приличные деньги. Все же, не картошку носят на рынке.

А Маша, тем временем, посредством маршрутки, добира-

ется до дома. Это пятиэтажка на Военведе. Она прислоняет магнитик к двери подъезда, взбирается на четвертый этаж. Отпирает квартиру. Ну и что, есть там кто? И я вижу, что нет. Нет никого. Брожу из комнаты в комнату, а всего комнат две. Нет мужа, который ее чмарит, детей нет, а значит что? Психология ваша ху*ня полная, не расколола ты ее, сослуживица. Может нужно было не на заочку ходить, а на очку? Не думаю, впрочем, что была бы разница. Семейства или мужа, или просто сожителя – ничего такого нет в этой квартирке. Не слишком убрано, но все равно ясно, что мужик здесь если и появляется, то только по приглашению. Пустота буквально звенит. Одиночество шуршит простынями.

Маша пишет кому-то, набирает. Всё подруге Элле. Но та, видимо, занята чем-то своим. Она сдергивает с себя одежду. Тут я вначале замешкал и думал отвернуться, но потом решил, что, во-первых, она столько меня ментально трахала, что мне стыдно не должно быть, а во-вторых я вообще сейчас умру и о чем тогда речь. Я подумал, глядя на процесс, что есть две большие разницы между девушкой, раздевающейся перед парнем, специально, с постановкой и настроением, и девушкой, раздевающейся наедине с собой, девушкой уставшей и, кажется, на грани срыва. Я вот подозревал, что у нее все нормально, и муж дома или кто там еще. Кошка – уж точно. Что она отрывается на нас просто потому что ей от этого еще лучше, что это хобби. Но ей и с нами плохо, и без нас. Она совсем одна. Унылая такая и тихая.

В общем, раздевалась она как-то неаппетитно. Под одеждой – вполне себе ничего барышня, с некоторым прощительным целлюлитом, но сутулилась, была напряжена и в общем, не высекала никакой искры. И да, мне уже нечем чувствовать эротизм, но, уверяю, я бы также сказал и раньше.

Резюмируя, скажу так, я увидел привядшую девушку, которой было грустно и плохо жить. Вовсе не ту Марию Алексеевну, которая источала злобу и всех драла, стояла над нами металлическим колом, на который в любой момент можно было максимально больно присесть.

Она залезла в ванную под уже тарабанивший душ и сползла вниз. Она ждала звонка от подруги так, как будто это был последний лучик света. Телефон валялся в снятых и брошенных на табуретку вещах. Определенно, я застал ее в особенно мрачный день, на пике отчаяния. Вот она какая, оказывается, совсем и не мерзкая, не такая рубая, даже жалко ее. Я почувствовал, что всё, мой затяжной полет в могилу заканчивается, остается буквально пара мгновений, чтобы что-то предпринять.

Я смотрю на Марию, я подплываю, подлетаю к ней поближе, слыша, как она, кажется, всхлипывает и, собрав всю волю, что осталась, кричу: «Какая же ты конченная дрянь, Маша! Ничего ты не можешь! Ни с чем не справляешься! Как же ты всех достала!». Она подрагивает всем телом. Я кричу еще что-то, хочу еще добавить, к уже сказанному, но мой взгляд падает на сливное отверстие, и меня утягивает тече-

нием. Я соскальзываю в гремящую последнюю тьму. Это всё.
Я окончательно умер.

Конец